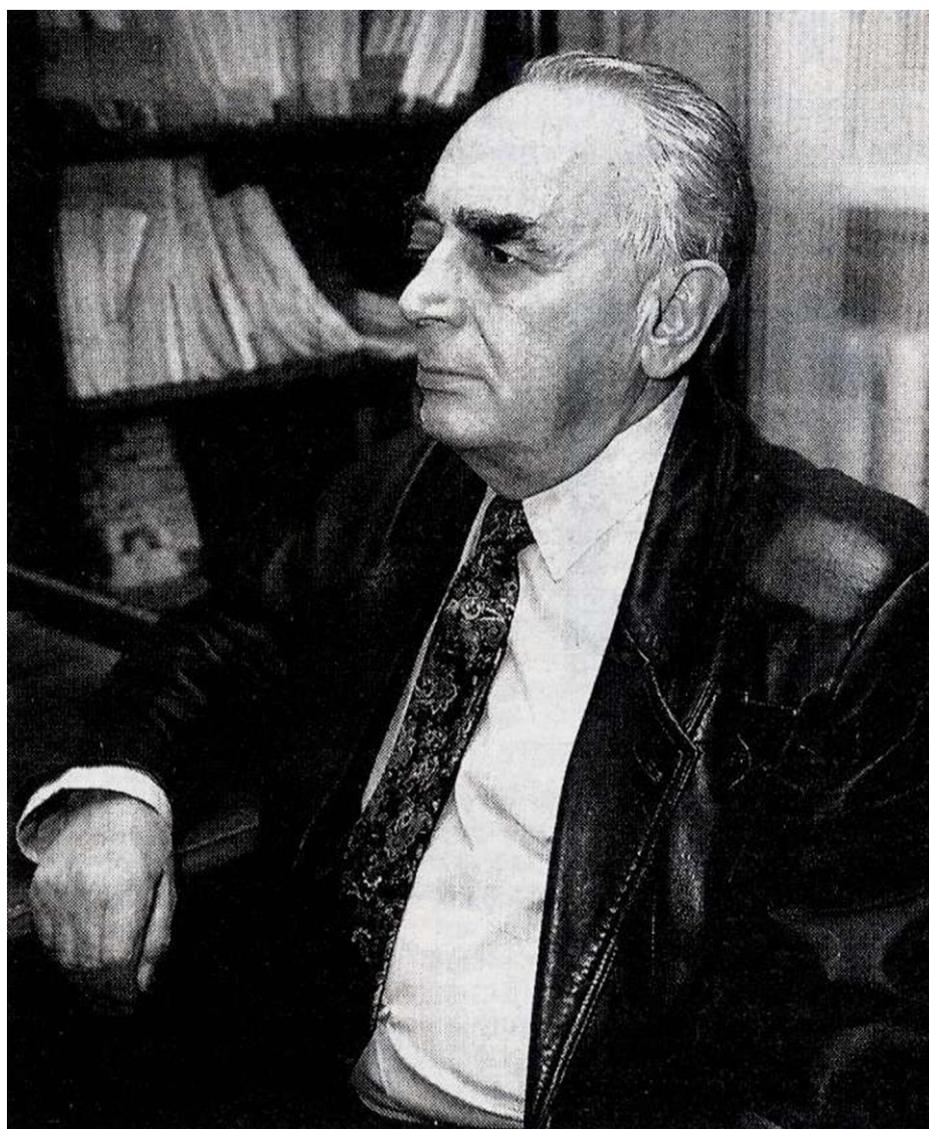

УЧЕНЫЙ С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ

В день празднования 65-летия образования Иркутской области, академику Михаилу Григорьевичу Воронкову присвоено звание «Почетный гражданин Иркутской области».

Согласно американскому журналу «Scientist» по цитируемости в мировой литературе иркутский ученый Михаил Воронков занимает одно из первых мест среди химиков России, а по продуктивности — третье место среди всех ученых мира.

- Михаил Григорьевич, как формировался ваш характер?

- В детстве я был ужасным хулиганом, неутомимым в шалостях. Родители старались дать мне хорошее воспитание и в 5 лет я говорил по-немецки так же хорошо, как и по-русски, читал немецкую литературу.

Очевидно, кипучая энергия, которая бродила во мне, должна была найти выход. Чем только я ни увлекался — минералогией, электротехникой и радиотехникой, туризмом, мастерил приемники и устраивал домашние концерты, и даже ставил оперы. Коллекционировал минералы, марки и монеты, писал стихи, занимался спортом - легкой атлетикой, дзюдо, самбо. Посещал школу техники речи и кружок юных поэтов в Ленинградском Доме писателей. И в школе занимался в самых разных кружках. Сколько себя помню, всегда был лидером.

- Когда вы поняли, что химия — ваше призвание?

- Однажды, тогда мне было лет восемь, получил подарок — набор «Химические опыты на дому», и это решило мою судьбу. Меня поразили те фантастические превращения, которые можно было осуществлять с помощью химических реакций — выращивать разноцветные кристаллы, получать взрывчатые вещества и краски, превращать воду в молоко или вино... Дело было на даче, и я начал изобретать всякие яды от мух и комаров. Таким образом, у меня с детства появился интерес к биологически активным соединениям. А когда вернулся в город, начал искать в энциклопедии все о химии и изучать другие подвернувшиеся литературные источники. Периодическую систему Менделеева выучил наизусть. С этих пор в доме царили невообразимые запахи, гремели взрывы и пылали пожары. Как-то, после очередного «эффективного» эксперимента отец решил выпороть меня. Бегал вокруг стола с ремнем и кричал: «Будешь еще заниматься химией?». На что я ему отвечал: «Буду, буду!». В школе я записался в химический кружок, а поскольку в этом же здании размещался пединститут им. Покровского, то скоро проник на кафедру химии. Профессор, который ею руководил, меня полюбил и всячески потворствовал моим экспериментам. Уже в четвертом классе я удивлял студентов своим знанием химии, а в восьмом — занимался в городской научной станции Ленинградского Дома пионеров. Выбор был сделан, и, когда поступал на химфак университета, не было никаких сомнений.

- Вы — участник Великой отечественной войны, отмечены наградами...

- Когда началась война, заканчивал третий курс ЛГУ. Накануне, 20-го июня, в Саблино проводился университетский кросс. Я, естественно, участвовал в нем, поскольку был одним из лучших бегунов университета. И стал победителем кросса на 1000 метров. После устроили вечеринку, ранним утром на берегу реки любовались восходом солнца. Приехал в Ленинград, завалился спать. В 12 часов дня прибежал мой лучший друг Валя Крюков: «Мишка, вставай! Война!». Мы сразу побежали в военкомат записываться добровольцами. Очередь огромная, отстояли, а нам говорят: «Студенты? Идите в университет, там в партбюро вас определяют». Нас зачислили в студенческий саперный батальон. Мы строили на Карельском перешейке противотанковые рвы,

работали как черти. Потом нас перевели в ополчение. А я и тогда уже плохо видел, это заметили. Меня послали на курсы химической защиты. Это спасло мне жизнь — весь первый отряд студентов ЛГУ, в который я так стремился, погиб под Стрельной... все мои лучшие друзья.... А меня назначили начальником химслужбы в 102 батальон Василеостровской дивизии Ленинградской армии народного ополчения, а затем в 209 истребительный батальон НКВД ловить шпионов, охранять город. Надо сказать, что первое время мы воспринимали все по-мальчишески. Было жутко любопытно. Например, в первый воздушный налет на Ленинград забрались на крышу Академии художеств, нашу временную казарму, смотрели феерическое зрелище: взрывы, трассирующие пули, над городом огромные белые клубы дыма. Это горели Бадаевские склады, в которых хранились все продовольственные запасы города...

Мне довелось охранять здание Академии наук, родной университет. Моей второй казармой была бывшая школа на острове Голодай: жуткая холодина, голод. Поздней осенью, получив увольнительную, отправился домой навестить родителей. Объявили воздушную тревогу, но я не стал прятаться в укрытие, продолжал свой путь и, вдруг, почти у родного дома, взрыв, и дальше ничего не помню. Так я был контужен и потерял зрение на один глаз. Второй глаз видел плохо, но это не помешало мне досрочно (за четыре года) завершить университетское образование, окончить аспирантуру, защитить кандидатскую и докторскую диссертации.

В 1975 году мое зрение резко ухудшилось, но знаменитый профессор С. Федоров сделал блестящую операцию, и я почти 10 лет видел белый свет. Но вот уже 18 лет, как я полностью потерял зрение. И тем не менее, темп работы не снизил. Сложные формулы представляю умозрительно, хотя, это порой бывает непросто.

- О ком из учителей сохранили теплые воспоминания?

- Считаю себя внучатым учеником трех выдающихся российских химиков-академиков — А. Фаворского, Н. Зелинского и В. Ипатьева. В Ленинградском университете под руководством ближайших сотрудников А. Фаворского начал заниматься научными исследованиями, а после войны стал последним аспирантом академика. Поскольку он сам почти не бывал в институте органической химии АН СССР, моим «микрошефом» был М.Шостаковский, который впоследствии стал членом-корреспондентом АН СССР и директором института, где я сейчас работаю. Когда в марте 1942 года меня эвакуировали из Ленинграда по дороге жизни, я попал в Свердловск, там в университете моими учителями были профессора МГУ Ю. Юрьев и Р. Левина, любимые ученики академика Зелинского. В своей дипломной работе я даже открыл новую реакцию и объяснил ее механизм своим учителям. После этого они пригласили меня в аспирантуру МГУ, но я решил отправиться в Институт органической химии АН СССР, в Казань, куда он был тогда эвакуирован. Там вновь попал в школу академика А. Фаворского. Начиная с 1948 года, в

Ленинградском университете, а затем в Институте химии силикатов в лаборатории профессора Б. Долгова — ближайшего сотрудника академика В. Ипатьева, увлекся (на всю жизнь) кремнийорганической химией.

- В одном иностранном издании сказано: «В начале 60-х годов XX века русская наука совершила прорыв в развитии человеческой цивилизации: советские физики открыли дорогу в космос. а советские химики открыли «мир неживого в живом»... «Русский химик Воронков оживил мертвый элемент — кремний!».

- Много более выдающихся открытий случилось в прошлом столетии. Долгое время считали, что соединения кремния биологически инертны, бесполезны и даже вредны, хотя и преобладают в природе. Земная кора на 75 % состоит из соединений кремния, кремнезема и силикатов. Еще в 19 веке в лабораториях стали синтезировать соединения кремния, но все они оказались биологически мало активными. В начале 60-х годов я начал изучать новый класс кремнийорганических соединений, которые назвал силатранами (теперь это общепринятое и широко распространенное название). Некоторые из них неожиданно оказались токсичными (во много раз токсичнее, чем синильная кислота или стрихнин), и об этом я впервые доложил в 1965 году в Праге на 1 международном симпозиуме по кремнийорганической химии. Мое сообщение произвело фурор, публикация об этом незамедлительно появилась в американском журнале, и с тех пор под моим руководством начались интенсивные исследования биологической активности органических соединений кремния, к которым впоследствии присоединились ученые других стран. Мы установили, что силатраны могут быть не только очень токсичны, но и очень полезны для живых организмов, опубликовали большую монографию «Кремний и жизнь». Она выдержала два издания, была переведена на немецкий и румынский языки.

- А какое применение нашли силатраны и их аналоги?

- На их основе созданы новые лекарственные препараты и средства химизации сельского хозяйства, повышающие продуктивность, устойчивость растений: хлопка, картофеля, томатов, злаков и др. Удивительные свойства кремнийорганических соединений, в частности, силатранов, открыли огромные возможности для фармакологов. Ведь многие болезни человека связаны либо с недостатком кремния в тканях и органах, либо с нарушением его обмена. Сам процесс старения сопровождается уменьшением содержания кремния в организме.

- Разработки признаны, используются?

- Государственные испытания одного из силатранов — мивала, с успехом проведены в четырех хлопкосеющих республиках СССР. Это позволило рекомендовать наши препараты к применению в растениеводстве. Они также испытаны в США, Индии, Испании и других странах. В дальнейшем было показано, что некоторые силатраны — мивал, мигуген повышают продуктивность и жизнеспособность сельскохозяйственных животных,

яйценоскость кур. В медицине силатраны оказались стимуляторами генезиса и регенерации соединительной и костной ткани, адаптогенами, позволяющими организму приспособляться к неблагоприятным условиям существования. Они ускоряли заживление ран, ожогов, переломов, лечили некоторые виды облысения. Выполненные под моим руководством разработки внедрены в медицину, промышленность и сельское хозяйство. Мы создали ряд оригинальных лекарственных препаратов, не имеющих аналогов в мировой медицине (феракрил, аргакрил, трекрезан, асказол, ацизол, силакаст, силимин, дибутирин, кобазол, сибусол и др.). Доказали, что силатраны действуют на заживление ран и ожогов глаз, кожный волосяной покров, костную ткань. Мивал и трекрезан нашли применение и в косметике.

Сейчас мы разработали новый аналог феракрила — аргакрил, который обладает не только кровоостанавливающим, анестезирующим, но и мощным антибактериальным действием. Он может применяться при лечении ран, ожогов, гематом, при хирургических вмешательствах, бытовых, производственных и спортивных травмах и т.д.

При Советской власти внедрять наши разработки было трудно, а сейчас вообще невозможно. Сегодня у нас на выходе десятков новых лекарственных препаратов, а испытать их не можем — нет денег. Испытание только одного препарата стоит более 500 тысяч рублей. По международным масштабам это очень дешево, а для нас — увы...

— **Как вы оказались в Сибири, и чем она стала для вас?**

— Я заведовал лабораторией в Институте органического синтеза Латвийской Академии наук в Риге, в научном мире был хорошо известен. Академик Н. Ворожцов пригласил меня возглавить институт, которым до этого руководил член-корр. СССР М. Шостаковский. Я сомневался, но создатель и руководитель Сибирского отделения академик М. Лаврентьев сумел таки уговорить. И не жалею, сибирский период стал самым плодотворным. Наука для меня самое главное — и любовь, и хобби, и смысл жизни.

— **А семья?**

— Это особая статья!

— **У вас очаровательная жена...**

— К ней можно отнести цитату из Шекспира: «Ее разнообразью нет конца, пред ней бессильны возраст и привычки...». Она журналистка. Работала корреспондентом «Советского Спорта» и «Труда». Есть у меня сын и дочь, четыре внука.

— **Что помогало в жизни?**

— В основном — любимая работа. Передо мной пример двух слепых знаменитых математиков-академиков: Эйлера и Портнягина... Им было, наверное, еще труднее (формулы, уравнения и расчеты...). Помогали

неиссякаемый оптимизм и чувство юмора, а также спортивная закалка, полученная в молодые годы.

— **Как оцениваете свою жизнь с позиций прожитых лет?**

— Всю свою долгую, интересную, счастливую и плодотворную жизнь занимался любимым делом, странствовал по планете, обрел много друзей и признание. Неоднократно отмечен наградами Родины, так что живу не зря.

Г. Киселева, «НВС»

Фото В. Короткоручко

Источник:

Воронков М. Г. Ученый с мировым именем: беседа с академиком М. Г. Воронковым / вела Г. Киселева // [Наука в Сибири](#). - 2003. - N 1. - С. 5.